

Андреас Умланд

Было ли присоединение Крыма к РФ исторически оправдано? Критика «реалистического» подхода в интерпретациях российской аннексии украинского полуострова*

Пропагандируемый Кремлем нарратив почти единодушной поддержки среди населения и исторического оправдания российской аннексии Крыма в 2014-ом году имеет много сторонников не только в РФ, но и среди политиков, журналистов, экспертов и дипломатов на Западе. Часто эти комментаторы считают себя – в отличие от «идеалистических» защитников международного права – геополитическими «реалистами» или даже, в отличие от своих слишком эмоциональных коллег, более сбалансированными и неангажированными наблюдателями¹. Эта проблема особенно касается различных немецких и других европейских т.н. *Russland-/Putinverstehер* или «понимающих Россию/Путина», то есть заинтересованных в Восточной Европе публицистов, которые считают, что они лучше других экспертов знают «русскую душу». На базе этих якобы глубинных знаний России данные *Russland-/Putinverstehер* имеют определенную симпатию или по крайней мере эмпатию к внешней политике сегодняшнего Кремля².

Но различные апологетические нарративы аннексии Крыма не только часто оставляют без внимания то, что российская пропагандистская подготовка, операция спецслужб и военная интервенция уже начались в феврале 2014-го года – если не раньше³. В западных комментариях зачастую забывается, что фактическая аннексия Россией полуострова уже произошла за несколько дней до мнимого «провозглашения независимости» Автономной Республики Крым (АРК) 11-го марта 2014 и официальной (противоправной) аннексии этих территорий РФ 18-

* Авторизованный перевод с немецкого на русский группой *Вокс Украина* ранее опубликован на сайте *Historians.in.ua* (12 июня 2018 г.). Статья выходила по-немецки в журнале *Sirius: Zeitschrift für Strategische Analysen* (2018. № 2), по-английски и по-украински на сайте *VoxUkraine* (29 August 2018). Печатается здесь с изменениями и дополнениями. (Некоторые положения статьи в главе «"Россия", Российская империя и Российская Федерация» не разделяются всеми членами редколлегии – прим. ред.)

¹ Umland A. Kremlin Narratives on Crimea Resurface in German Election Debate // European Council on Foreign Relations. 19 September 2017. www.ecfr.eu/article/commentary_kremlin_narratives_on_crimea_resurface_in_german_election_7225.

² Heinemann-Grüder A. Lehren aus dem Ukraine Konflikt: Das Stockholm-Syndrom der Putin-Versteher // Osteuropa. 2015. № 4. P. 3-24.

³ Гибпрессия Путина: невоенные аспекты войн нового поколения. К., 2016; Дорошко М. Неоголошені війни Росії проти України у ХХ – на початку ХХІ ст.: причини і наслідки. К., 2018.

го марта 2014-го года; и что только внезапная военная оккупация полуострова Москвой в конце февраля и начале марта 2014-го года сделала возможным это изменение границ и предопределила официальный процесс сепарации полуострова и его формального захвата РФ⁴.

Общий ход отделения Крыма от Украины и соединения с РФ не только грубо нарушил несколько фундаментальных международно-правовых норм и конституции Украины, АРК и даже самой РФ – факты, которые уже относительно хорошо освещены в европейской научной юридической литературе⁵. Различные политические детали т.н. «референдума», организованного Кремлем 16-го марта 2014, также ставят под сомнение популярный среди удивительно многих западных политиков, журналистов и дипломатов тезис, согласно которому подавляющее большинство жителей Крыма якобы настоятельно требовало «воссоединения» РФ с полуостровом, и что для этого процесса были веские исторические причины.

Сомнительные результаты «референдума»

Как ни странно, но один из особо критичных ранних комментариев по поводу фиктивного референдума в Крыму был высказан тремя представителями Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, то есть официального консультативного органа Владимира Пу-

⁴ Березовець Т. Анексія – острів Крим: хроніки «гібридної війни». К., 2015.

⁵ Напр.: Heintze H.-J. Völkerrecht und Sezession: Ist die Annexion der Krim eine zulässige Wiedergutmachung sowjetischen Unrechts? // *Humanitäres Völkerrecht: Informationsschriften*. 2014. № 3. P. 129-138; Luchterhandt O. Die Krim-Krise von 2014: Staats- und völkerrechtliche Aspekte // *Osteuropa*. 2014. №№ 5-6. P. 61-86; Peters A. Das Völkerrecht der Gebietsreferenden. Das Beispiel der Ukraine 1991-2014 // *Osteuropa*. 2014. №№ 5-6. P. 101-134; Marxsen Ch. The Crimea Crisis: An International Law Perspective // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 2014. Vol. 74. P. 367-391; Behlert B. Die Unabhängigkeit der Krim: Annexion oder Sezession? // *IFHV Working Paper*. 2015. № 2. www.ifhv.de/documents/workingpapers/wp5_2.pdf; Bílková V. The Use of Force by the Russian Federation in Crimea // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 2015. Vol. 75. P. 27-50; Grant T. Aggression against Ukraine: Territory, Responsibility, and International Law. L., 2015; Luchterhandt O. Der Anschluss der Krim an Russland aus völkerrechtlicher Sicht // *Archiv des Völkerrechts*. 2015. № 2. P. 137-174; Marxsen Ch. Territorial Integrity in International Law: Its Concept and Implications for Crimea // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 2015. Vol. 75. P. 7-26; Singer T. Intervention auf Einladung // *Ukraine. Krisen. Perspektiven: Interdisziplinäre Betrachtungen eines Landes im Umbruch* / Ed. E. Bakalova, T. Endrich, Kh. Shlyakhtovska, G. Spodarets. Berlin, 2015. P. 235-260; Zadorozhnyi O. Russian Doctrine of International Law after the Annexation of Crimea. N.p., 2016; Nikouei M., Zamani M. The Secession of Crimea: Where Does International Law Stand? // *Nordic Journal of International Law*. 2016. Vol. 85. P. 37-64; *The Case of Crimea's Annexation under International Law* / Ed. W. Czapliński, S. Dębski, R. Tarnogórski, K. Wierczyńska. Warsaw, 2017.

тина⁶. Один из членов этого авторитетного учреждения России посетил Крым в середине апреля 2014-го года как частное лицо. Опираясь на наблюдения и разговоры, которые состоялись во время его неофициального визита, а также на другие исследования, три члена Совета по правам человека впоследствии публично выступили с сообщением, что по оценкам «практически всех опрошенных экспертов и жителей» процент людей, которые приняли участие в «референдуме» в АРК, составлял не 83,1%, как сообщалось – тогда уже подконтрольными Кремлю – крымскими органами власти, а от 30% до 50%. По оценке трех видных российских правозащитников, среди жителей АРК, принявших участие в референдуме, аннексию поддержали не 96,77%, как сообщали верные Москве органы власти АРК, а от 50% до 60%⁷.

Эти цифры не сильно отличаются от среднего результата различных опросов о присоединении Крыма к России, проводившихся на полуострове до аннексии⁸. Критическая оценка голосования в Крыму 16-го марта 2014-го года тремя членами Совета по правам человека при президенте Российской Федерации также поддерживается статистическим анализом временной динамики официально указанной явки предполагаемых участников псевдореферендума. Это исследование указывает на вероятную масштабную фальсификацию результатов голосования⁹. Итоги неофициального доклада российских правозащитников тоже подтверждаются еще более низкой оценкой участия избирателей Крыма в голосовании Меджлисом крымских татар¹⁰.

Даже если учесть вероятную значительно более высокую явку и большую поддержку аннексии в большом городе Севастополь, как базы российского Черноморского флота, получается, что за присоединение полуострова к России свои голоса, возможно, отдали менее трети всего населения Крыма. Это слишком малый процент для, хотя бы, частичного оправдания такого существенного изменения границ Европы после конца «холодной войны». К тому же, доклад членов российского Совета по правам человека цитировал политических экспертов в Крыму, которые отмечали, что «жители Крыма голосовали не столько за присо-

⁶ Бобров Е. Проблемы жителей Крыма // Блоги членов Совета. 22 апреля 2014. http://president-sovet.ru/members/blogs/bobrov_e_a/problemy-zhiteley-kryma/. Список некоторых ранних релевантных комментариев критических западных экспертов по псевдо-референдуму можно найти в списке источников статьи: Podolian O. The 2014 Referendum in Crimea // *East European Quarterly*. 2015. № 1. P. 111-128, здесь p. 122-128.

⁷ Бобров. Проблемы жителей Крыма.

⁸ Неполный англоязычный обзор некоторых релевантных опросов можно найти здесь: https://en.wikipedia.org/wiki/Crimean_status_referendum,_2014#Polling. Дальнейшие результаты опросов см.: Podolian. The 2014 Referendum in Crimea; Илларионов А. Центр Разумкова: «Мы не нашли цифр, представленных в интервью» // Livejournal, 25 июля 2018. aillarionov.livejournal.com/1076081.html.

⁹ Киреев А. О неправдоподобной динамике явки по районам и городам Крыма // Livejournal. 16 марта 2014. <https://kireev.livejournal.com/1005294.html>.

¹⁰ С кратким изложением содержания на английском можно ознакомиться по следующей ссылке: https://en.wikipedia.org/wiki/Crimean_status_referendum,_2014#Alternative_estimates_of_results.

единение к России, сколько за прекращение, по их словам, "коррупционного беспредела и воровского засилья донецких ставленников"»¹¹.

Почему опросы после аннексии не легитимируют «референдум»

По данным последнего релевантного опроса, состоявшегося в середине февраля 2014 года, – т.е. за несколько дней до начала оккупации Крыма российскими солдатами без опознавательных знаков – объединение России и Украины в одно государство (такой вопрос был поставлен социологической службой) тогда поддержал 41% опрошенных в АРК, не считая город Севастополь¹². Этот результат более или менее соответствует результатам ранних опросов относительно возможного присоединения полуострова к России¹³. Зато различные опросы, которые проводились уже после военного и политического захвата Россией черноморского полуострова, кажется, демонстрируют более чем в два раза бóльшую поддержку аннексии жителями Крыма: этот показатель после 2014-го года, как правило, выше, а иногда и существенно выше 80%¹⁴. Однако такие якобы однозначные результаты, полученные уже после аннексии, по ряду причин имеют лишь частичную значимость при трактовке событий, которые имели место в Крыму в начале 2014-го года¹⁵.

Это связано с тем, что результаты последних опросов надо не только рассматривать как прямое следствие влияния мощной антиукраинской кампании травли, проведенной прокремлевскими СМИ – единственными источниками действительно массовой информации, которые доступны жителям Крыма с марта 2014-го года¹⁶. Некоторые интерпретации последних опросов, в которых подавляющее большинство респондентов, видимо, поддерживает аннексию, не берут в достаточной мере во внимание известную тенденцию к принятию избирателями позиции, обусловленной предыдущими событиями, и к поддержке в данный момент действующего статуса-кво. Решения, принятые на народных голосованиях, вы-

¹¹ Бобров. Проблемы жителей Крыма. Подробнее об этом аспекте в статье: Wilson A. The Crimean Tatar Question: A Prism for Changing and Rival Versions of Eurasianism // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. 2017. № 2. P. 1-46.

¹² How relations between Ukraine and Russia should look like? Public opinion polls' results // *Kiev International Institute of Sociology*. 4.3.2014. <http://www.kiis.com.ua/?lang=eng&cat=reports&id=236&page=1>.

¹³ Podolian. The 2014 Referendum in Crimea.

¹⁴ Некоторые количественные показатели, цитаты, источники и другую англоязычную информацию по этому вопросу можно найти в списке ссылок статьи Википедии: https://en.wikipedia.org/wiki/Crimean_status_referendum,_2014#Post-referendum_polls.

¹⁵ Sasse G. Terra Incognita. The Public Mood in Crimea // *ZOiS Report*. 2017. № 3. www.zois-berlin.de/fileadmin/media/Dateien/ZOiS_Reports/ZOiS_Report_3_2017.pdf.

¹⁶ Russian Media and the War in Ukraine / Ed. J. Fedor // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. 2015. № 1. P. 1-300.

званы не только политическими предпочтениями голосующих, но и такими факторами, как общественный конформизм или стратегический расчет.

Принятый в какой-либо ситуации значимый политический выбор в значительной мере зависит от до того пройденного пути (т.н. «path-dependency») и тяжести, неудобств и рисков изменения этого ранее вольно или невольно избранного направления развития. Во многих опросах по наиболее фундаментальным вопросам о государственности, границах и безопасности отражаются не только идеологические предпочтения, но также и общая склонность к поддержке действующего государственного порядка и желание сохранения общественного спокойствия – если, конечно, они есть. Частичным примером этого явления был референдум о независимости Шотландии в том же 2014 году, когда 55,3% населения страны, в которой около 84% себя считают шотландцами и среди которого всегда были сильны сепаратистские тенденции, проголосовало против независимости своего региона от Объединенного королевства.

В этой связи стоит напомнить, что фактор приверженности избирателей к данному статусу-кво имел на территории Крыма до начала 2014-го года впечатляющие «проукраинские» последствия. Эффект зависимости политического поведения от ранее выбранного пути и тенденция поддержки любого действующего порядка, если он не противоречит коренным интересам людей, обеспечивал относительно высокий уровень политической стабильности на полуострове за последние 20 лет, несмотря на бесспорно сильное присутствие промосковских настроений среди многих этнически русских крымчан еще до прямой медийной и общественной подготовки аннексии Кремлем с начала 2014-го года¹⁷.

Как выявили глубокие интервью в рамках полевого качественного исследования британского политолога Элеонор Нотт за несколько месяцев до Евромайда-на, даже те жители Крыма, которые придерживались однозначно пророссийских взглядов, в 2012-2013-х годах при постановке вопроса «или-или» высказывались скорее конформистски, т.е. за сохранение полуострова как части Украины, а не за его включение в РФ¹⁸. Эта, на первый взгляд, неожиданная преференция среди промосковски настроенных крымчан, наверное, чаще всего не была результатом каких-то особых симпатий к украинскому государству, а скорее следствием желания сохранить стабильность, предсказуемость и спокойствие в своем родном регионе.

Более того, некоторые наблюдатели, которые ссылаются на исследования, проведенные уже после аннексии, кажется, недооценивают или вообще игнорируют возможные риски, с которыми приходится считаться потенциально проукраински или просто «непромосковски» настроенным респондентам опросов о желаемой принадлежности Крыма. Такие респонденты на оккупированном полуострове

¹⁷ Sasse G. *The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict*. Cambridge, MA, 2014.

¹⁸ Knott E. *Identity in Crimea before Annexation: A Bottom-up Perspective // Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity, 2010–17 / Ed. P. Kolstø, H. Blakkisrud*. Edinburgh, 2018. P. 282-305.

должны сегодня иметь значимую степень мужественности и быть готовы к возможным неприятностям для себя и своих близких, если они открыто выразят перед незнакомцами – т.е. предполагаемыми сотрудниками социологических служб – свои сомнения касательно российской аннексии, свое сожаление об отделении полуострова от Украины, или даже свое одобрение возвращения Крыма под контроль Киева. Учитывая новую политическую и правовую ситуацию на полуострове с начала российской оккупации, такое поведение может привести к различным «проблемам».

После аннексии черноморского полуострова Москвой он превратился в один из тех регионов Европы, где уровень обеспечения базовых политических и гражданских прав является наиболее ограниченным¹⁹. С 2014-го года неодобрение так называемого «воссоединения» стало на территории Крыма все больше политически стигматизировано прокремлевскими СМИ и властью. В худшем случае, выражение такой позиции может иметь серьезные последствия для респондентов – если, например, опрос прослушивается, или же вообще просто инсценируется спецслужбами. Помня советский порядок и репрессивную практику КГБ, из которого вышли Путин и Ко, некоторые крымчане, пожалуй, не готовы к выражению своих возможных неконформистских взглядов перед людьми, которые себя представляют как всего-навсего исследователи.

С 2014-го года в Крыму действует достаточно жесткое «анти-экстремистское» и «анти-сепаратистское» российское законодательство, направленное на ущемление общего политического диссидентства. Москва и ее представители в Крыму постоянно преследуют политических инакомыслящих в Крыму. Это особенно касается анти-московски настроенных членов крымскотатарского меньшинства – да часто и просто сторонников украинской символики и культуры²⁰. По этим и подобным причинам, возможные последствия критики аннексии, сожаление об отделении от Украины, или же признание принадлежности к украинскому государству в опросах невозможно предусмотреть для респондентов.

Наверняка опасения о непредсказуемых последующих угрозах – вне зависимости от реальной вероятности их будущего воплощения – существуют среди многих проукраински настроенных опрошенных. По этой причине вероятно, что некоторые или даже многие проукраинские жители Крыма отказываются от участия в опросах о статусе полуострова. По всем этим причинам следует осторожно относиться к результатам исследований отношения избирателей Крыма, проведенных даже известными западными социологическими институтами на полу-

¹⁹ UNHCR. The Situation of Human Rights in the Temporarily Occupied Autonomous Republic of Crimea and the City of Sevastopol (Ukraine). К., 2017.

²⁰ См., напр.: Halbach U. Repression nach der Annexion: Russlands Umgang mit den Krimtataren // Osteuropa. 2014. №№ 9-10. P. 179-190; KHPG. Human Rights Abuses in Russian-Occupied Crimea // Human Rights in Ukraine. 2016-2018. <http://khp.org/en/index.php?r=2.5.44>; «Скоро начнут сажать за мысли об Украине» – из крымских сетей // Крым.Реалии. 5 мая 2018. ru.krymr.com/amp/29210198.html.

острове после российской аннексии 2014-го года. Эти данные имеют только ограниченное значение для оценки реальной народной поддержки для российской аннексии Крыма до начала ее систематичной подготовки Москвой с начала 2014-го года.

Сомнительное прохождение «референдума»

Возвращаясь к событиям весны 2014-го года, существуют и другие причины, по которым проведенный Россией псевдо-референдум не может быть даже частичным оправданием снисходительного отношения к России в вопросе аннексии Крыма. Подготовка, процедура, медийная поддержка и формулировка «референдума» были настолько явно тенденциозными, что этот процесс голосования можно использовать в учебниках как классический пример манипуляции голосованием. Так, дату проведения «референдума» в течение короткого периода времени дважды меняли. У жителей Крыма не было ни времени, ни возможности открыто, свободно и критически обсудить альтернативы, среди которых они могли выбрать на предполагаемом народном голосовании 16-го марта 2014-го года²¹.

До проведения «референдума» ОБСЕ озвучила причину, по которой она не послала своих представителей наблюдателями на это голосование: «Международный опыт [...] показал, что процессы, направленные на изменение конституционного порядка, и обсуждение региональной автономии сложные и требуют много времени. Иногда они могут длиться несколько месяцев и даже лет [...]. Политические и правовые изменения такого характера должны обсуждаться в рамках инклюзивного и структурированного диалога на национальном, региональном и локальном уровнях»²². Эти условия не были соблюдены. Поэтому ОБСЕ и все другие сколько-нибудь компетентные международные правительственные и неправительственные организации, наблюдающие за подобными голосованиями, отказались прислать своих представителей. Вместо них Кремль пригласил несколько десятков членов различных иностранных радикальных и, в большинстве случаев, маргинальных политических группировок и представил этих гостей российским телезрителям как «международных наблюдателей»²³.

²¹ Podolian. The 2014 Referendum in Crimea.

²² OSCE Chair Says Crimean Referendum in its Current Form Is Illegal and Calls for Alternative Ways to Address the Crimean Issue // OSCE. 11 March 2014. <https://www.osce.org/cio/116313>.

²³ Shekhovtsov A. Pro-Russian Extremists Observe the Illegitimate Crimean «Referendum» // Anton Shekhovtsov's Blog. 17 March 2014. <http://anton-shekhovtsov.blogspot.com/2014/03/pro-russian-extremists-observe.html>; idem. Far-Right Election Observation Monitors in the Service of the Kremlin's Foreign Policy // Eurasianism and the European Far Right: Reshaping the Europe-Russia Relationship / Ed. M. Laruelle. Lanham, 2015. P. 223-243; Coynash H. Myth, «Observers» and Victims of Russia's Fake Crimean Referendum // Human Rights in Ukraine. 16 March 2016. <http://khp.org/en/index.php?id=1458089893&w=referendum>.

Голосование проходило под ощутимым психологическим давлением, создаваемым демонстративным присутствием российских солдат без опознавательных знаков («зеленые человечки», или же «вежливые люди») и пророссийских бойцов разных нерегулярных военизированных групп. Станным является и то, что среди предложенных на «референдуме» вариантов голосования не было шанса проголосовать за простое сохранение статуса-кво, то есть Конституции АРК, действующей с 1998-го года. Зато у крымских избирателей были две возможности изменить правовой статус Крыма: проголосовать или за присоединение полуострова к РФ или за возврат к более старой конституции АРК 1992-го года. К тому же, обе возможности были сформулированы на бюллетенях амбивалентно – и, в определенном смысле, даже абсурдно.

«Россия», Российская империя и Российская Федерация

Первый вариант на псевдо-референдуме обещал жителям Крыма «воссоединение» полуострова с «Россией». Однако, как хорошо известно, Крым никогда не был частью какой-либо «России», которая бы была отделена от большинства сухой территории постсоветского украинского государства, в состав которого полуостров входил с 1991-го года. Большая часть современной материковой Украины примерно столько же, сколько и Крым, была сначала частью царской империи, а затем – СССР, то есть тех государств, которые, очевидно, имелись в виду под словом «Россия» в «референдуме» 2014-го года. Своим употреблением слова «Россия» в крымском «референдуме» – так же, как и во многих других случаях – Кремль играет с понятиями и терминами. Несмотря на примитивность этих словесных игр («фашизм», «путч», «гражданская война» и т.д.) такая очевидная манипуляция на многих западных обозревателей в той или иной мере действует.

С 1783-го года по 1991 год Крым принадлежал к Всероссийской или советской империи, которую иногда называют «Россией». Но эта бывшая «Россия», конечно, не соответствует сегодняшнему российскому национальному государству²⁴. Большая часть всей территории современной Украины, а не только Крыма, когда-то входила в состав царского и советского государств – так же, как и территория почти всей сегодняшней Российской Федерации. Обе постсоветские республики, РФ и независимая Украина, являются государствами-преемниками той «России», воссоединение с которой было обещано крымчанам на псевдо-референдуме 2014-го года.

На Западе многие до сих пор не понимают, что крымский полуостров никогда не входил в состав какого-то мифического российского государства, которое бы

²⁴ Furman D. Russlands Entwicklungspfad: Vom Imperium zum Nationalstaat // Osteuropa. 2011. № 10. P. 3-20.

существовало отдельно от большинства территорий сегодняшней континентальной Украины. Единственным наземным сообщением между Крымом и территорией современной РФ в имперские и советские времена, очевидно, была юго-восточная сухопутная часть Украины, по территории которой, собственно, и произошел захват Крыма Екатериной Великой в восемнадцатом веке. По этим причинам Крым не мог быть отдельно разделен с «Россией» в 1991-м году и, соответственно, не мог быть «воссоединен» с РФ в 2014-м. В 1991-м году вся Украина, включая черноморский полуостров, входивший в ее состав как геологически, так и исторически, отделилась от «России».

Правда, как после присоединения полуострова к царской империи в 1783-ом году, так и позже после его включения в советскую империю, этнические украинцы никогда не доминировали среди населения Крыма. До конца XIX-го века большинство крымчан составляли крымские татары, сегодня настроенные в своем большинстве решительно проукраински. Только позже, в результате многолетнего изгнания, угнетения, уничтожения и депортации татар, большинством в населении Крыма стали этнические русские. Относительная демографическая «русскость» Крыма таким образом – довольно юный феномен, который является в значительной мере результатом применения Москвой массового насилия против крымских татар.

Историческая связь Крыма с сегодняшней Россией, а не предпочтенной татарами Украиной, и по другой причине хрупкая. В составе царской империи после 1802-го года Крым принадлежал к Таврической губернии. Этот большой административный округ охватывал не только территорию черноморского полуострова, но и значительную часть современной юго-восточной материковой Украины, соединенной с Крымом Перекопским перешейком. Сухопутная часть Таврической губернии была демографически больше Крыма, а ее население преимущественно составляли, по царской терминологии, «малороссы»²⁵. По данным переписи населения 1897-го года из 1,4 миллиона жителей всей Таврической губернии (т.е. Крыма и ее материковой части к северу от него), около 0,4 миллиона были русскоязычными, а около 0,6 миллиона – украиноязычными²⁶. Из 0,55 миллиона жителей Крыма же 35,5% тогда были татарами, 33,1% – русскими, а 11,8% – украинцами²⁷. Таким образом, более чем 100-летний таврический царский период крымского прошлого свидетельствует скорее об административно-исторической связанности полуострова с территорией современной материковой

²⁵ Головченко В., Дорошко М. Гібридна війна Росії проти України: історико-політичне дослідження. К., 2016. С. 75.

²⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.: распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=71.

²⁷ Данные и их источники можно найти здесь: <https://en.wikipedia.org/wiki/Crimea>.

Украины и с проукраинскими крымскими татарами, чем с современной Российской Федерацией и с русской нацией²⁸.

Принадлежности Крыма к РСФСР в 1921-1954-х годах, на которую часто ссылаются российские сторонники и западные апологеты аннексии, следует противопоставить 37-летнюю принадлежность Крыма к УССР в 1954-1991-х годах. К тому же, на период принадлежности к РСФСР приходится наибольшая и самая жестокая смена населения полуострова. В 1944-ом году по приказу Сталина состоялась зверская массовая депортация крымских татар и нескольких других меньшинств полуострова в Центральную Азию. При и в результате этой этнической чистки погибла немалая часть коренного населения Крыма.

История депортаций, многолетнего изгнания, возвращения и реинтеграции крымских татар в их родину в составе поздне- и послесоветской Украины, а также культ Сталина в советской и постсоветской России сформировали, среди других факторов, геополитические предпочтения крымских татар, которые на момент аннексии составляли около 12% населения полуострова²⁹. Исторический опыт объясняет поддержку крымскими татарами и их организациями суверенности и целостности постсоветского украинского государства и их согласие с возвращением Крыма в состав Украины – и в значительно меньшей степени с независимостью Крыма. Проукраинская позиция крымских татар и история их депортации были коротко продемонстрированы широкой европейской публике победой на конкурсе Евровидения в 2016 году крымскотатарской певицы Джамалы, которая представляла Украину с песней «1944».

Какие-либо события советского периода, подобно событиям дореволюционного периода, в целом не могут приводиться как исторические аргументы в пользу российской аннексии 2014-го года. Они мало касаются сути сегодняшнего дня, поскольку относятся к развитиям внутри бывшей империи. Советский Союз был тоталитарным государством, в котором экономически мотивированная передача Крыма от РСФСР в УССР в 1954-м году имела исключительно административное, а не политическое значение³⁰. Более того, таких случаев административного перехода территорий внутри СССР было много. Так при изменении администра-

²⁸ «Украинские историки указывают [к тому же] на долгую историю более ранних отношений [Крыма с материковой Украиной до 1783 г.]; в то время украинские казаки имели более тесные отношения с полуостровом, чем Московское государство, находившееся севернее». Wilson. The Crimean Tatar Question. С. 5, со ссылкой на: Історія Криму в запитаннях та відповідях / Упор. В. Смолій. К., 2015. См. также: Наш Крим: неросійські історії українського півострова / Упор. С. Громенко. К., 2016.

²⁹ Беліцер Н. Кримські татари як корінний народ: історія питання і сучасні реалії. К., 2016; Hot-top-Riecke M. Die Tataren der Krim zwischen Assimilation und Selbstbehauptung: Der Aufbau des krimtatarischen Bildungswesens nach Deportation und Heimkehr (1990-2005). Stuttgart, 2016; Magocsi P. This Blessed Land: Crimea and the Crimean Tatars. Toronto, 2014.

³⁰ Jilge W. Geschichtspolitik statt Völkerrecht: Anmerkungen zur historischen Legitimation der Krim-Annexion in Russland // Bundeszentrale für politische Bildung. 27 February 2015. www.bpb.de/internationales/europa/russland/analysen/202223/analyse-geschichtspolitik-statt-voelkerrecht-anmerkungen-zur-historischen-legitimation-der-krim-annexion-in-russland.

тивных границ республик молодого СССР в 1925-ом году УССР потеряла в пользу российской и белорусской республик территории, большие по объему, чем территория Крыма, который она получила в 1954-ом году³¹. Тем не менее, до аннексий 2014-го никто из украинской политической элиты не выдвигал официальных территориальных претензий к соседним странам, опираясь на эти факты, или на многочисленные карты дореволюционного периода, на которых территория «Украины» значительно превосходит территорию современного украинского государства. Такого рода исторические нарративы, мегаломанские видения и ирредентистские планы, как и в большинстве стран, в Украине оставались до российской агрессии прерогативой крайних и маргинальных политических течений. Только после начала российско-украинской войны публичная украинская риторика, например, касательно Кубани, стала более провокационной.

По этим и другим причинам постсоветское руководство России, несмотря на большое количество споров, до 2014-го года никогда официально не ставило под сомнение принадлежность Крыма к постсоветской Украине. Оно утвердило эту принадлежность в нескольких договорах и соглашениях, несмотря на многочисленные неофициальные политические претензии российских политиков и некоторых реваншистских деклараций российского парламента, имевших место после 1991 года³². Двумя юридически наиболее весомыми документами, подчеркивающими принадлежность Крыма к Украине, являются трехстороннее российско-украинско-белорусское Беловежское соглашение о роспуске СССР 1991-го года и двустороннее российско-украинское соглашение о прохождении границы между двумя странами, подписанное в 2003-ом году. Оба договора были ратифицированы российским и украинским парламентами согласно всем нормам и подписаны тогдашними президентами России и Украины. В официальной Справке администрации Президента РФ по поводу подписания Путиным закона о ратификации договора о государственной границе между Россией и Украиной в 2004-ом году сообщалось: «За основу была принята существовавшая административная граница между РСФСР и УССР на момент распада СССР с учетом ее оформления соответствующими государственными правовыми актами»³³.

Непонятная альтернатива аннексии на «референдуме»

Второй предложенный на «референдуме» 16-го марта 2014-го года вектор развития обещал крымчанам возвращение к «Конституции Республики Крым 1992

³¹ Головченко, Дорошко. Гібридна війна Росії проти України. С. 91.

³² Kuzio T. Ukraine – Crimea – Russia: Triangle of Conflict. Stuttgart, 2007.

³³ Справка к Федеральному закону «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе» // Президент России. 23 апреля 2004. kremlin.ru/supplement/1909.

года». Эта формулировка еще больше сбивала с толку, чем первый вариант о «воссоединении» полуострова с «Россией». Парадокс второго вопроса «референдума» к жителям Крыма заключался в том, что в течение 1992-го года на территории Крыма были приняты две относительно разные версии конституции полуострова³⁴. Умышленно или нет, но в 2014-ом году избирателям не разъяснили, какого из двух вариантов альтернативы аннексии, представленных на «референдуме», собственно будет касаться их выбор. Их просто спросили: «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?».

Однако осталось непонятным, о каком именно тексте конституции 1992-го года шла речь: о более «конфедеративной» версии конституции Крыма, принятой в мае 1992-го года, или о значительно измененном скорее «федеративном» варианте конституции, принятом в сентябре 1992-го года? В обоих случаях эти конституции определяют Крым как часть Украины. В майском варианте это указано в статье 9 фразой «входит в государство Украина»³⁵. В существенно модифицированной сентябрьской версии 1992-го года это дополнительно указано в статье 1 словами «в составе Украины»³⁶.

Если бы на «референдуме» большинство избрало второй вариант, то созданное РФ новое сателлитное правительство в Симферополе, видимо, могло бы само выбирать между двумя разными версиями конституции Республики Крым 1992-го года. Ставленники Москвы, а не население Крыма, тогда смогли бы решить, какой именно текст основного закона Крыма им больше подходит. Возникает подозрение, что этот странный вопрос – вместо более обычной опции в таких голосованиях о простом сохранении действующего статуса-кво – был целенаправленно нечетко сформулирован. Возможно, такая непонятная альтернатива поддержке аннексии должна была привести к увеличению вероятности выбора первого более понятного варианта – присоединения к РФ. Выбор, который стоял в марте 2014-го года перед жителями Крыма, в определенной степени был выбором не столько между Россией и Украиной, сколько между понятным и непонятным будущим.

Приведенная в этой статье информация не является необычной, тайной или новой³⁷. Перечисленные факты и ряд других показательных аспектов знаменательных событий февраля-марта 2014-го года известны как в Украине, так и сре-

³⁴ Для более детальной информации, см.: Умланд А. Странности кремлевского «референдума» в Крыму // Новое время. 19 сентября 2016. <https://nv.ua/opinion/umland/strannosti-kremlevskogo-referenduma-v-krymu-223716.html>.

³⁵ Конституция Республики Крым // Верховная Рада Украины. 6 мая 1992. <http://zakon5.rada.gov.ua/krym/show/rb076a002-92>.

³⁶ Закон Республики Крым «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Крым» // Верховна Рада України. 25 мая 1992. <http://zakon5.rada.gov.ua/krym/show/rb0155002-92>.

³⁷ Дополнительная информация на английском языке в книге: Crimea: The Anatomy of a Crisis. Prague, 2015.

ди экспертов по Восточной Европе в европейских университетах и исследовательских центрах, а также среди соответствующих специалистов внутри правительств, политических и общественных организаций Запада. Тем не менее, многие западные наблюдатели, которые не стесняются озвучивать комментарии по поводу прошлого, аннексии и будущего Крыма, не знают, либо же игнорируют большинство приведенных фактов. Вместо этого, многие из них, по крайней мере частично, следуют кремлевскому апологетическому нарративу: возможно, немало криво инициированный референдум все же привел к изменению границ, которого (якобы) подавляющее большинство крымчан страстно ожидало, и который исправил некую (мифическую) историческую несправедливость.